

ней травы заиграют на солнце сочные краски северных первоцветов, когда в соседнем бору еще лежат сугробы снега.

Первой в середине апреля эмбл выкалывается из земли бледная *алтайская аттрепика* (*Anemone altaica*); вместе с ней по сухим склонам и лесным полянам появляются группы мохнатого *аттрепика-прострела* (*Pulsatilla patens*) с светло-желтыми и лиловыми колокольчиками. Лишь только подан первый сигнал к возрождению, решительные развертывают свои соцветия синяя *медунка* (*Pulmonaria mollis*), желтая *гожатка* (*Corydalis bracteata*), *баранчик* (*Primula elatior*), *фиалки* (*Viola sibirica* и *V. hirta*), и др. Все они как бы торопятся закрыть своими роскошными клубками невзрачные остатки отжившего поколения прошлого лета.

В этой нарядной свите по тысячам подлинкам и часто по открытым дугам зацветает *кандык* (*Erythronium dens canis*) с розовыми цветами, напоминающими лилию; его же называют — собачий зуб — за форму маленьких зимующих луковичек. Это миловидное растение узнает всякий житель Западной Сибири. Прежде всего появляются два овальных заостренных листа с буроватыми пятнами; между ними поднимается тонкая стрелка с единственными наклоненным в сторону цветком. Шесть розовых лепестков отгибаются назад, и тогда видны шесть тычинок, торчащих из светлого зва цветка, и зеленый пестик на подобие маленькой бутылочки. Цветение кандыка, как и других первоцветов, продолжается недолго, и в первой половине мая на месте цветка образуется из пестика сплюснутая коробочка с множеством семян.

Семенами кандык размножается довольно медленно, так как растение требует несколько лет, чтобы сформировалась луковичка и началось цветение. В этом отношении *кандык* сходен с другими лилейными, къ семейству которых он принадлежит. Быстрее идет размножение посредством луковичек — деток, которая время от времени отделяются от основной луковички — матери. Так и делают садоводы, разводя кандык для весенних клумб в садах Петербурга и др. городов.

Интересно географическое распространение кандыка. Основным местонахождением его является Западная Сибирь от Урала до Алтая; по горным склонам последнего он забирается до верхней границы леса, достигая альпийских лугов, т. е. до высоты 2000 метров над уровнем моря. Кроме Сибири его находят на Кавказе, в Западной Швейцарии и в некоторых соседних горных местностях. На востоке его указывают в Маньчжурии.

Кандык не только украшает обширные поляны Сибири и искусственные клумбы столиц, но также находит себе и практическое применение. Врачи классической древности употребляли его луковички как лекарство против разнообразных болезней, но теперь это оставлено. Зато за ним сохранилось значение питательное. Маленькие длинные луковички кандыка съедобны и в сыром виде, но жители приалтайских местностей употребляют их, разваривая в воде или молоке в виде кашицы. Луковички нередко также консервируют в сушеном виде, для чего их наизымают на шпиги в виде щеток и сохраняют. Употребляя по мере надобности. Наконец, некоторые инородцы умѣют готовить из кандыка ошляющую напиться (абстракт), и таким образом он не избегнул участи многих растений — служить источником веселия, а нередко — безумия, просвѣщенного и непросвѣщенного человечества.

В мае кандык исчезает вместе с веселой свитой первоцветов; на их смену пышнее и ярче развернутся саранка, марьяны коренья, кукушкины башмачки и благоухающий касатик, но первоцветы мы будем ждать до следующей весны.

В. Сапожников.

Изъ Мультаули.

По всему главному произведению голландского писателя Мультаули (Деккера) т. е. по его семитомному „Идеямъ“, проходит романъ „Исторія Вальтера“. Персонажи этого въ значительной мѣрѣ автобиографическаго повѣствованія нередко сходятъ надолго со страницъ „Идей“, чтобы

всѣхъ слоевъ голландскаго общества, своеобразный романъ Мультаули кроме того замѣчательно еще любовнымъ проникновеніемъ въ глубь дѣтскаго психологіи. Ниже предлагаются выжимку читателей отрывки изъ этой книги, которую авторъ называетъ „газетой (Times) своей души“.

A. O.

Года я не знаю. Но такъ какъ ты, читатель, интересуешься временемъ, когда начинается эта исторія, то я дамъ тебѣ пару руководящихъ указаний.

Моя мать жаловалась, что жизненные продукты дороги и отопление также, следовательно, это должно было происходить до открытия національной экономіи. Наша служанка вышла замужъ за парикмахерскаго подмастерья, у котораго была только одна нога. „Это такъ экономно по отношенію къ обуви“, думала эта добрая душа. Отсюда, однако, какъ будто слѣдуетъ, что національная экономія уже была открыта.

Во всякомъ случаѣ, это было уже давно. Въ Амстердамѣ не было еще тогда „табели гражданскихъ ранговъ“, взвозная пошлина еще существовала, въ нѣкоторыхъ культурныхъ странахъ еще имѣлись вискины, и отъ нервозности умирали еще не такъ часто. Да, это было уже давно.

Я уже давно не былъ въ Hartenstraat'ѣ, и помню только, что эта улица связываетъ другъ съ другомъ два главныхъ канала, которые и приказали бы запудрить, еслибы имѣть силу сдѣлать Амстердамъ одной изъ лучшихъ столицъ Европы.

Благорасположеніе къ будущности нашей столицы не дѣлаетъ меня слѣпымъ по отношенію къ ея недостаткамъ. Среди нихъ я ставлю на первомъ мѣстѣ ея полную неспособность служить ареной романтическихъ происшествій. Здѣсь на улицѣ не встрѣтишь таинственнаго домино, во всемъ виднѣ мѣщанство. Нѣтъ гетто, нѣтъ китайскаго квартала, нѣтъ дворца чудесъ — кто совершаетъ убійство, того вѣшаютъ — а дѣвушки носятъ имена Маня и Соня. Все проза.

Нужно имѣть мужество, чтобы начать исторію въ мѣстѣ, которое оканчивается на „дамъ“ *). Тутъ трудно помѣстить Эмеренцію или Эдиону. Да это и мало помогло бы, такъ какъ всѣ эти красоты уже профанированы.

Какъ это умудряются французскіе авторы въ такой высокой степени облагородить своихъ

Кандыкъ.

Развалины уйгурскаго Каракорума.

дать мѣсто публицистическимъ или философскимъ мыслямъ автора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ герои романа экспантрируются самимъ Мультаули въ цѣляхъ публицистической критики, демонстрируя тѣ или иные общіе взгляды своего творца. И дагбѣ — опять „возрождаются“ въ видѣ живыхъ образовъ. Давая широкую картину

Margols и Marions и охранить отъ всего тривиальнаго своихъ Henriis и Ernestes, которые однако столько же похожи на „Мсье Henri“ и „мсье Erneste“, какъ колесо на укусъ.

*) Напоминаемъ, что многие голландскіе города имѣютъ это означеніе Персе.

Гете был мужественным человеком: Гретхен, Кларенг...

— Но а! ВЪ Hartenstraat! Правда, я не пишу романа. Но если бы я писал романъ, я не вижу причины, почему бы мнѣ не выдать его за истинную историю. Да, по это истинная история. История человѣка, который въ своей юности былъ влюбленъ въ дѣвою и который долго долженъ былъ носить въ себѣ эту муку.

Потому что влюбленность—мука, хотя бы это была только влюбленность въ дѣвою.

Какъ видите, повѣствованіе это будетъ очень просто. Даже слишкомъ просто, чтобы развиваться самостоятельно. А потому я то и сейчасъ, то тамъ, кое-что введу въ него, какъ поступаютъ китайцы со своими косами, если они слишкомъ тонки.

И такъ, въ Hartenstraat'а была библиотека для чтенія. Маленькій мальчикъ съ "печатной города" на лицѣ стоялъ на лестницѣ и казалось не могъ рѣшиться. По немъ можно было видѣть, что онъ носился съ планомъ, который былъ ему не по силамъ. Онъ нѣсколько разъ протягивалъ руку къ двери, каждый разъ онъ останавливался на половинѣ пути, причѣмъ совсѣмъ безъ надобности одергивалъ прямоугольный воротъ рубахи, лежавшій армомъ на его плечахъ или же, также безъ надобности, подымалъ руку ко рту, искусственно кашляя.

Какъ будто углубившись въ разсмотрѣніе картинъ, отражавшихся въ дверныхъ стеклахъ и представлявшихъ непостижимыхъ зрѣній, четырехугольныя деревья и невозможныхъ солдатъ, взглядъ его безрассудно буждалъ по сторонамъ, какъ у человѣка, бокащаго быть пойманымъ за постыднымъ дѣломъ. Было ясно, что онъ собирается нѣчто сдѣлать, что должно быть скрыто отъ взоровъ современниковъ и потомства, до страшнаго суда. И кто, кромѣ того, обратилъ бы вниманіе, какъ судорожно его лѣвая рука подъ вздувшейся полой оцепуываетъ и мнетъ что-то въ кармазѣ брюкъ, тотъ могъ бы легко подумать, что Вальтеръ собирается совершить взломъ или нѣчто подобное.

Ибо его звали Вальтеромъ.

Это просто счастье, что я попалъ на мысль раскрыть его исторію, и я считаю это своей первой обязанностью заявить, что ни въ какихъ намереніяхъ по части валома или грабежа онъ совершенно не повиненъ.

Но я бы много далъ за возможность—столь же коротко и ясно очистить его и отъ другихъ грѣховъ. Предметъ, который онъ вертѣтъ въ русѣ, не былъ ни воровской отмычкой, ни ломомъ, не былъ онъ также ни томагавкомъ, ни аркедой машиной,—это была просто бумажка, содержавшая въ себѣ четырнадцать штурберовъ, за которые онъ спустилъ свой Новый заветъ и Псалмы торговцу на Оувербургѣ, а планъ, съ которымъ онъ носился, состоялъ въ желаніи вступить въ волшебный міръ романтической литературы: онъ хотѣлъ читать „Глоріозо“.

Глоріозо! Читатель, есть много послѣдователей, но Глоріозо только одинъ!

Вѣкъ Ринаaldo и Фра-Дьяволо позднѣшаго времени не должны быть поставлены рядомъ съ этимъ героемъ, который увозилъ дюжинами графинь, грабилъ папъ и кардиналовъ, какъ простыхъ смертныхъ, и побудилъ Вальтера Платерзе цупить въ оборотъ Новый Заветъ.

Конечно, въ послѣднемъ Глоріозо не виноватъ, разумеется, нѣтъ. Этакъ можно стыдиться быть героемъ или гениемъ—или хотя бы разбойникомъ,—если въ тоже время нести отвѣтственность за всѣ дурныя дѣла, которыя много лѣтъ спустя могутъ быть связаны съ нашей исторіей.

Я протестую противъ обвиненія меня въ соучастіи въ преступленіяхъ, которыя совершались по моему сужденію, — чтобы убрѣсть пальъ къ изученію моей судьбы, — и я объявляю, что я не остаюся на пути мой славы изъ-за того соображенія, что когда нибудь можетъ быть спущенъ какой-нибудь Новый Заветъ ради „Жизни и дѣяній Мультипули“, хотя бы я этого даже и не находилъ дорогимъ.

— Что ты тутъ возишь мальчикъ? Хочешь чего, такъ заходи, а нѣтъ, такъ проходи дальше.

Теперь Вальтеръ долженъ былъ войти или отказаться отъ Глоріозо.

Ибо человѣкъ нагнѣбшійся надъ прилавкомъ и извивавшійся, какъ морская улитка, чтобы открыть дверь и пробормотать эти слова нашему герою, имѣлъ физіономію, отнюдь не благоприятствовавшую отступленію, разъ онъ могъ разсердиться изъ-за одной только „возни“ у его двери.

Такъ что Вальтеръ, который раньше не отваживался войти, теперь не смѣлъ отступить.

Онъ чувствовалъ себя вступителемъ—точно книжная лавка поглотила его.

Глоріозо... прошу, господинъ, а здѣсь...

Онъ извлекъ наружу свою аркедой машину.

„А здѣсь деньги“...

Ибо онъ зналъ отъ своего школьнаго товарища, который заразилъ его романтическимъ недугомъ, что въ библиотекѣ отъ незаконныхъ дѣтей требовалась „залогъ“.

Библиотечаръ нашель, повидимому, четырнадцать штурберовъ достаточной суммой. Онъ вынулъ изъ сумки живныя и истрепанныя томикъ, носившій на переплетѣ и листахъ слѣды многократнаго неоправданаго пользования.

Я увѣренъ, что „Прововѣди пастора Шпильфелеца“, которыя стояли въ перикосновенномъ покое на верхней полкѣ и съ презрѣніемъ смотрѣли преходящую литературу, стыдился бы привести въ соприкосновеніе свои незапятнанныя покрывши съ такой неоправданностью. Но вѣ трудно сохранить чистоту, когда находишься на верхней полкѣ и никогда не бываешь въ употребленіи. Я нахожу поэтому, что проповѣди были несправедливы — и это приложимо ко многимъ проповѣдямъ.

Послѣ того, какъ Вальтеръ дрожащимъ голосомъ сообщилъ этому господину свое имя, онъ

сунулъ свое нечестивое счастье подъ полу казла и посѣбивши къ дверямъ, точно кошка, схватившая добычу, которую она подкарауливала въ теченіи многихъ часовъ.

А. Л. Б.

Къ рисункамъ.

Домъ Ядринцевыхъ. Домъ, принадлежавшій въ 50-хъ годахъ родителямъ П. М. Ядринцева, находится въ Томскѣ, на углу Милліонной улицы и Хомяковскаго переулка, на пути къ Безплатной библиотекѣ, и теперь принадлежитъ г. Ватнову. Самы Ядринцевы жили въ верхнемъ этажѣ; тутъ прошли дѣтские и гимназическіе годы П. М. Ядринцева. Въ послѣдніе 60-хъ годовъ въ этихъ комнатахъ жила вдова декабриста Басаргина.

Развалины уйгурскаго Каракорума. Въ кочевой Монголіи и теперь городовъ мало, а въ старину ихъ можетъ быть, было и того меньше; возникали дѣльбодшіе монархи, да и тѣ, вѣроятно, были ничтожны. Однако одинъ древній монгольскій городъ заслужилъ историческую память. Носилъ онъ названіе Каракорумъ. Объ немъ говорятъ китайскій и мусульманскій лѣтописи и рассказы европейскихъ путешественниковъ XIII вѣка.

Европейскіе ориенталисты нашего времени сначала тщетно пытались опредѣлить мѣстоположеніе везчанувшаго города; одинъ изъ нихъ, Кларротъ, указывалъ ему мѣсто на лѣвобъ берегу р. Орхона, выше впаденія р. Тамира. Въ позднѣеишее время русскій путешественникъ Падеринъ на указанномъ Кларротомъ мѣстѣ дѣйствительно нашелъ валы и внутри ихъ остатки бани. Мѣстныя жители зовутъ эти остатки Хара-хараъ (черная стѣна). Ученые успокоились было на мысли, что древній Каракорумъ найденъ, но англійскій ученый Юль вновь объявилъ этотъ вопросъ открытымъ, настаивая, что нужно различать три Каракорума: 1) уйгурскаго VII—VIII вѣка; 2) монгольскій XIII вѣка, основанный монгольскимъ ханомъ Огатаемъ нѣсколько вѣковъ спустя послѣ того, какъ уйгурскаго прекратилъ свое существованіе, и 3) монгольскій, основанный по изгнаніи монгольскаго династіи изъ Пекина.

Открытие Ядринцева 1889 г. окончательно разъяснило дѣло, подтверждая мнѣніе Юля о трехъ Каракорумахъ и его сомнѣніе, что всѣ они существовали на одномъ мѣстѣ. Повѣдка Ядринцева показала, что Падеринскій Хара-хараъ есть уйгурскаго Каракорумъ, что валы, которые Падеринъ видѣлъ, представляютъ только цитадель, а городъ былъ построенъ на 2 1/2 в. къ югу и на 2 1/2 в. къ северу отъ цитадели. Монгольскій же Каракорумъ находился на 70 вер. южнѣе, на правобъ берегу Орхона, гдѣ теперь монастырь Эрдинцаю. Въ обоихъ городахъ пахъ Ядринцевъ нашель выгравированная на камняхъ надписи; въ падеринскомъ онъ на языкахъ китайскомъ и уйгурскомъ, и нѣтъ монгольскихъ надписей. О коло Эрдинцаю надписи только на китайскомъ и монгольскомъ и нѣтъ на уйгурскомъ.

Г. П.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ

Вновь открытая, оборудованная новейшими аппаратами ФОТОЦИНКОГРАФІЯ. Принимаетъ заказы на изготовленіе МЕДНЫХЪ и ЦИНКОВЫХЪ ПЛИШЕ для всевозможныхъ изюстрацій и рекламъ. Цѣны: отъ 20 коп. за кв. дюймъ—за изготовление. Клише съ ретушью паромъ, копій съ гравюръ, картъ и чертежей и отъ 40 коп. за кв. дюймъ — за ретушь. Картоны, фотолиты и фотоскопы (если клише меньше 10 дюйм.) — по платонку какъ за 10 коп.

НА ПРОКАТЬ Рояли и Піанино. Музыкально-инструментальн. торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.

Складъ ТОЛЬКО ЛУЧШИХЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

у П. Рукавишникава.

Томскъ, Духовская, № 3-й.

